

Walentyna Jakimiuk-Sawczyńska
Białystok

Петербург в творчестве Константина Фофанова

Ключевые слова: Петербург, городская лирика, социальные условия

Константин Фофанов (1862–1911), “в избранных стихах (...) поэт большой, оказавший заметное влияние на современников” [Иванова 1990, 346]¹, принадлежит к числу тех мастеров слова, в творчестве которых Петербург занимает значительное место. На этот факт внимание обратили его современники, так, Д. Мережковский писал, что Фофанов “поэт городской, порождение тех самых безнадёжных петербургских туманов, из которых вышли полубезумные и таинственные герои Достоевского. За каждым его вдохновением вы чувствуете смутный гул никогда не засыпающей столицы, похожий на бред – в сумраке белых ночей, одиночество бедных меблированных комнат, которое доводит всеми покинутых людей до отчаяния, до самоубийства, декорацию грязных улиц Петербурга, которые вдруг, в известный час вечера, при известном оттенке туманной зари, смешанном с голубоватым отблеском электричества, делаются похожими на фантастический и мрачный сон” [Мережковский 1893, 87]. В свою очередь Д. В. Кранихфельд, литературный критик демократического направления, отмечал: “Да, Фофанов – горожанин. (...) Но в том-то и дело, что горожанин

¹ П. Перцов, имея в виду влияние Фофанова на современников, назвал “фофановским” целый период развития русской поэзии, начиная со смерти С. Надсона (1887) и до появления первых характерных произведений символистов (1895) [Перцов 1933, 153].

Фофанов и по городским улицам ходит всё с такими же невидящими, скованными сном, глазами. И на городских улицах преследующие его видения заслоняют перед ним картины реального мира” [Кранихфельд 1911, 306–317].

Следует заметить, что эти, как и много других высказываний современников Фофанова по поводу изображения им Петербурга, свидетельствуют о поляризации точек зрения. Объективной оценке этой проблемы, как и всего творчества Фофанова, часто мешало знакомство с ним – его незначительная фигура, заметная бедность и алкоголизм.

Намного справедливее высказывание о Константине Фофанове других литературных критиков. Г. Цурикова, автор вступительной статьи к первому академическому изданию стихотворений Фофанова в советское время, считает, что “петербургский пейзаж у Фофанова кажется призрачным, он возникает из внезапно выхваченных из мрака разрозненных деталей...” [Цурикова 1962, 27]. В свою очередь в памяти Валерия Брюсова, после прочтения им стихотворений Фофанова, осталась картина “Петербург в мгле” [Roźniak 1969, 87].

На городскую лирику Константина Фофанова обратила внимание Е. В. Иванова. Она, называя Фофанова “редким для конца XIX в. поэтом города” считает, что “его урбанизм не имеет нарочитого и программного характера. Приёмы городской жизни: газовые рожки, общественные кареты, сумрак неосвещённых лестниц вплетается в его стихи наряду с грёзами, соловьями и розами” [Иванова 1990, 347].

По мнению Е. Тарланова, российского исследователя творчества Фофанова, в городских стихотворениях поэта проявляет себя антитеза мечты и действительности. Тарланов подчёркивает, что “сопричастность боли к страданиям голодных и униженных” определяет дихотомическую композицию многих его произведений [Тарланов 1993, 62].

И. Феннер – автор значительной работы монографического типа на немецком языке, на тему города в лирике Фофанова смотрит в контексте оппозиции к природе. Страх перед городом, ощущаемый в лирике Фофанова, она понимает как угрозу для жизненного пространства человека [Fenner 1998, 85].

Из сказанного следует, что проблему изображения Петербурга в творчестве Константина Фофанова заметили и учёные, и литературные критики, однако в последнее время, хотя и возникли новые работы в связи с изучением его лирики, указанный вопрос не является в них предметом анализа по поводу избранной концепции [Jakimiuk-Sawczyńska 2005] или не находит достаточного освещения [Тарланов 1993; Fenner 1998].

Петербург, как известно, является интересным и привлекательным городом, особенно для посетителей. Этот “*юный град, // Полночных стран краса и диво*” [Пушкин 1954, 375] был основан Петром Первым в 1703 г. на болотах Заячьего полуострова. С самого начала своего существования город удивлял масштабом строительства и обаянием белых ночей. По замыслу его основателя должен был свидетельствовать о силе и могуществе русского государства. Быстро стал заполняться красивыми дворцами, в постройке которых принимали участие самые знаменитые архитекторы Европы, разводились парки, возникали мосты, соединяющие берега соседних островов², а непокорная Нева “оделась в гранит”. Географическое положение города, соединяющее живописность с опасностью, было – если вспомнить историю России, её споры и войны со Швецией, – главной причиной, ради которой Пётр Первый решил основать город. По его замыслу, окруженный водами Петербург имел важное стратегическое значение в войне с северным врагом, а в связи с тем стал играть важную роль на политической карте России. Притом русский царь, пользуясь словами поэта, “в Европу прорубил окно” – установились торговые связи России со многими странами Европы и мира [Bazylow 1985, I, 308–316], что способствовало развитию промышленности. Возникающие мастерские, затем заводы и фабрики предоставляли возможность работы для многих бедняков – крестьян, которые в Петербург, по согласию помещиков, приезжали за куском хлеба. Столичный город – Петербург, второй после Москвы – место жительства аристократии и богатых граждан, очень быстро заполнился разнообразным по национальности, профессии, образованию, людям, мечтающим о лучшей жизни. Таким образом, наверно, в Петербург попали и предки Константина Фофанова³.

Петербург для Константина Фофанова является городом, где он родился, провёл, за небольшим исключением, много лет своей жизни: здесь, прошло его детство, полная надежд на литературный успех молодость и взрослая ужасная жизнь с жалким существованием боль-

² В Петербурге насчитывается около 40 островов, соединённых 396 мостами.

³ “Дед мой Пётр Фомич Фофанов был привезен в Петербург двенадцатилетним мальчиком из Олонецкой губернии в извоз. Не был ли он одним из тех “веек”, весело гремющих звонками лошадей, обыкновенно съезжающих на масленицу в Невскую столицу. Но в извозе мой дед был недолго, после был, кажется, мальчиком в бане, а в зрелые годы – уже купцом третьей гильдии и уже имел коженную лавку... Отец мой имел лесной двор и всё время с рождения до смерти жил в Петербурге... Женился он на уроженке Ярославской губернии, Екатерине Афанасьевне Брюхановой. Третьим сыном в семье был я” – цитата из [Цурикова 1962, 7].

шой семьи, с насмешкой врагов, с лечением в больнице для душевнобольных. Даже и тогда, когда поселился с семьёй в Гатчине, а потом в Старой Руссе, ежедневно навещал “город Петра” с целью заработка⁴. Из сказанного следует, что на Петербург Фофанов смотрел глазами жителя, знающего не только праздники, но и будни его.

Надо заметить, что о Петербурге, как известно, писали многие поэты и писатели и трудно было бы назвать всех, а тем более способы и приёмы в его изображении, однако, чаще всего на память приходит Пушкин, Гоголь, Достоевский и Некрасов. Итак, Александр Пушкин в начальной части своего знаменитого *Медного всадника* обратил внимание на особенности молодого города, его бурное архитектурное и промышленное развитие. Глаза лирического героя радуют не только жилые постройки, но и промышленные корабли – новый элемент в пейзаже города, расположенного среди вод и зелени садов. Здесь патриотизм гражданина сочетается с гордостью жителя, а внимание читателя привлекает эмоциональная связь: *Люблю тебя, Петра творенье, // Люблю твой строгий, стройный вид, ...* [Пушкин 1954, 375]⁵, за которым следует описание города.

Праздничный Петербург Пушкина (хотя не всегда) в лирике Николая Некрасова уступает место повседневному и бытовому. Внимание автора поэмы *Кому на Руси жить хорошо* привлекали уличные сцены Петербурга, в которых принимали участие постоянные жители из низших сословий общества, типа: *Он был без сапогов, в дырявом сюртуке; Лицо являло след недавнего недуга* [Некрасов 1983, 53]. Вот примерная картина: бедно одетый и голодный “вор” со следами болезни на лице, стыда, испуга, отчаянья, мольбы и “справедливая” толпа, окружившая его с целью отдать под арест за украденный калач. Необходимо подчеркнуть, что в многих стихотворениях Некрасова социальная выразительность сочетается с психологическим рисунком преступника. Вор, как и многие другие герои Некрасова – проститутки, бродяги, пьяницы (стихотворение *Вор* происходит из цикла *На улице*), составляют особую группу жителей этого столичного города. Метко подхваченная уличная сценка передаёт всю трагедию городских бедняков, замученных нуждой, болезнями и живущих без всякой надежды на перемену горькой судьбы.

⁴ Константин Михайлович Фофанов родился 18 мая 1862 года в Петербурге. Умер 17 мая 1911 года также в Петербурге. Похоронен на аристократическом кладбище Новодевичьего монастыря [Измайлов 1916, 459–478].

⁵ Выделение курсивом здесь и дальше – В.Я.С.

На основании приведенных примеров изображения Петербурга можно сделать предположение, что не все одинаково постигают этот город. У Пушкина и Некрасова – две разные картины одного и того же города. Оба они – жители северной столицы, видевшие её в разные времена года, дня, в разную погоду и в разном расположении духа постигали её красоту, однако возникшие под пером каждого из них картины отличаются друг от друга. Дело не только в гениальности создателя, но и темы, подхваченного момента, настроения автора.

Что касается изображения Петербурга Константином Фофановым, то исследовательница Г. Цурикова замечает, что “в “петербургских” стихах Фофанова нет лирической цельности, как у Пушкина, – нет гордого пафоса личности, осознавшей себя в истории; нет и обстоятельной точности некрасовских петербургских уличных сцен с их социально выразительной завершенностью психологических типов” [Цурикова 1962, 27]. Трудно с этим не согласиться, тем более, что не то образование и не те способности, однако и у Фофанова как поэта – своеобразный взгляд, своё видение этого города – о чём пойдёт речь дальше. В контексте сказанного возникает вопрос: что такое Петербург? За автором статьи *Петербург в русском очерке XIX в.* можно сказать, что это “творение оценивается прежде всего с эстетической точки зрения”, но кроме архитектуры – это и его быт, и условия жизни людей, и сами люди, и идеи, которые меняют облик города [Отрадин 1984, 7]. Сам Гоголь считал, что “трудно схватить общее выражение Петербурга”, но следует дать представление о главных качествах города, передать его суть [Отрадин 1984, 9]. Как это надо понимать?

Выходом из этого тупика может быть положение Владимира Топорова, автора книги *Петербург и Петербургский текст русской литературы*. Он, проведя тщательный анализ изображения Петербурга всеми, как ему кажется, русскими писателями и поэтами, пользуясь ещё и их личной перепиской, пришёл к выводу, что дело не столько в положительном или отрицательном изображении этого города, сколько в так называемом, “петербургском эффекте” [Топоров 2003, Интернет], свидетельствующем о постижении его истины.

“Петербургский эффект” сводится к соединению несоединимого. С одной стороны, Петербург с самого начала своего существования был гордостью русского народа, центром культуры и высшей духовности, но одновременно и – центром зла и преступлений, где страдание превзошло человеческие возможности. Долгое время жила в народе память о пролитой крови крестьян, принимавших участие в строитель-

стве его. Не без значения в этом контексте и место расположения города. Всё время актуальной является мысль, что в Петербурге царит дьявол⁶. Она, наверно, возникла, или под воздействием сырого морского климата и вечных ветров, веющих независимо от времени года, или по поводу многих преждевременно погибших строителей его⁷, или, как считает Ю. Лотман, по поводу его расположения. Петербург основан “на краю”, т.е. на берегу моря, у устья реки, а значит вопреки Нату-ре, что – с одной стороны – можно понимать как победу разума над стихиями, а с другой – как извращение естественного порядка вещей, за которым следует предсказание гибели и триумфа стихийных сил [Лотман 1984, 31]. Благодаря всем этим факторам Петербург обладает “властью места”, действующего на каждого человека, а особенно влияющего на артистов и литераторов. Петербург как город – по замечанию Топорова, “создал” и ввёл в жизнь специфический “текст”, называемый “петербургским текстом русской литературы” [Топоров 1993, Интернет]⁸. Характерной его чертой является “потрясение от встречи с Петербургом, поражение величием и нищетой его; удивительная близость друг другу разных описаний, как у одного и того же, так и у различных авторов; климатические, топографические, пейзажно-ландшафтные, этнографическо-бытовые и культурные характеристики города; осознание или переживание глубоких сущностей, кардинальным образом определяющих поведение героев; субъективность, эта структура определяет сверхэмпирические высшие смыслы, например, на основании всей петербургской прозы Достоевского строим единый текст этого писателя о Петербурге”. Топоров замечает, что “формируемые таким образом тексты обладают семантической связностью (...). Выделяется ядро, которое представляет собой некую совокупность вариантов” [Топоров 2003].

⁶ Адам Мицкевич писал: “*U architektów sławne jest przysłowie: / Że ludzi ręką był Rzym budowany, / A Wenecję stawili bogowie, / Ale kto widział Petersburg, ten powie: / Że budowały go chyba Szatany*” – цит. за [Топоров 2003, Интернет].

⁷ М. В. Отрадин считает, что “европейский город, воплощение опыта европейской цивилизации, строился варварскими методами в традициях жесточайшего азиатского деспотизма, строился буквально на костях. Здесь страдали и гибли сотни и тысячи людей, память об этих страданиях была жива в народе, смысл молвы был в том, что городу придётся расплатиться за это зло, за гибель невинных.... Петербургская легенда – это социальный протест в фантастической форме” [Отрадин 1984, 6].

⁸ Топоров считает, что этот текст возник на переломе 20–30 годов XIX в., начиная с произведений Александра Пушкина [Топоров, 2003, Интернет: philologos.tvorod.ru/ling/topor_piter.html].

Подытоживая, следует сказать, что “петербургский эффект” выступающий в “петербургском тексте русской литературы”, по мнению Топорова, возник на рубеже двадцатых-тридцатых годов и проявляется себя во многих произведениях русской литературы, между прочим, у Пушкина, Гоголя, Достоевского.

То, что касается Константина Фофанова, так городские картины не составляют у него особого цикла. Они разбросаны по всем томам его произведений (11 томов); находятся как в его стихах, так и поэмах. Всю жизнь Фофанов писал о Петербурге, но самое главное это то, что постижение Петербурга автором *Иллюзии* менялось в течение жизни. Можно это объяснить тем, что он, как поклонник чистого искусства, писавший о вечных темах человечества – о любви, о природе, о Боге в ранние годы своей молодости во всём видел красоту. Глазами влюблённого юноши он смотрел на парки, аллеи, сады, где можно повстречаться с любимой (*Встречались с тобой мы в улицах туманных; // Нас в душном городе теплом гостеприимным // Всё грело, всё влекло*); на церкви, чтобы “поговорить” с Богом и очистить свою грешную душу. Неожиданно вспыхнувший талант обещал многое, а первые большие деньги давали возможность вырваться из той скверной среды, где была постоянная ругань и пьянство⁹. Увиденное тогда не пугало, а наоборот (*Всё взоры тешило мечтательностью яркой: // Усталый продавец под рыночною аркой, // Застенчивый бедняк с протянутой рукой, // Салопница идущая с кухаркой (...) // Всё радовало нас*). То, что в молодости было только предчувствием, во взрослые годы стало действительностью. Большая семья (одиннадцать детей, из которых двое умерло), наследственный алкоголизм, лечение поэта, а потом и его жены в доме для душевнобольных, жалкое существование в наёмных квартирах – всё это привело к тому, что на свою жизнь и на Петербург он стал смотреть по-другому. Появилось много произведений, разнообразных по характеру и качеству, так как Фофанов писал ради куска хлеба, но их общей чертой является тема – столичный город. В произведениях Фофанова Петербург выступает под определением **город огромный** (“идёт он городом огромным”; “огромный город спит, дремотою объят”), **город мрачный**, **холодный город** или **столица** (“столица вся, как на ладони”; “Столица бредила в чаду своей тоски”; “столицы мертвенной красой”) или просто **наш Петербург**:

⁹ Отец семьи и все сыновья Фофановых были алкоголиками [Jakimiuk-Sawczyńska 2005, 24–25].

Наш Петербург кого полюбит,
Как самовластный домовой, –
Того пригреет, приголубит,
Нашепчет счастье и покой;
Тот не услышит в нём проклятья
И сам его не проклянёт (...)
Но горе тем, кто для него
Не ко двору, – он взглянет косо –
И бросит с хохотом его
К судьбе жестокой под колёса!

[Фофанов 1900, 381]

Стихотворение необыкновенное по поводу указания на суть “петербургского эффекта”, на то, что одним везёт, а другим не везёт. В чём суть тайны? Какая сила действует на людей? Достоевский эту силу называет беспощадной, “враждебной тысячам и тысячам незаметных тружеников” [Саруханян 1972, 48]. Это возможность разочарования городом и жизнью в нём. Речь касается царивших в городе социальных контрастов, о которых приезжие не знают. Фофанову, как немногим, удалось заметить и подхватить ту таинственную силу, которая действует на приезжающих в столицу за работой и счастьем¹⁰. С позиции своего опыта он как будто предупреждает, сам не зная точного ответа. В то время многие ставили вопрос, почему в этом городе так неуютно жить человеку, почему люди сходят с ума, погибают [Отрадин 1984, 7]. Топоров в упомянутой работе замечает, что столько проклятий, обид, разочарований не выпало на долю другого русского города, как в адрес Петербурга, одновременно не исключая любви и преданности ему [Отрадин 1984, 55]. Для Николая Гоголя жизнь в Петербурге это мираж, а фантастичность он понимает особо – в этом городе “всё может случиться”, о чём свидетельствуют рассказы *Нос* и *Шинель*. Горькая картина реальности – суровой и беспощадной выступает во многих “петербургских текстах” и является одной из ведущих тем в лирике Фофанова. В качестве примера фрагмент из его произведения:

¹⁰ Ср.: “...zgodnie z opowieściami wszystkich naszych krewnych i znajomych Petersburg jawił mi się jakimś złotym królestwem, w którym ludzie nie żyją, lecz nieustannie upajają się szczęściem (...), że tam również żebracy stale mają białe pieczywo, piją herbatę lub kawę...” – цитата из [Топоров 2003, Интернет].

Вот и теперь идёт он *городом огромным*:
Вновь скоро Рождество и скоро Новый год (...)
Повсюду суета... Движение на рынках...
Перед конками толпы, разносчики кричат
И машут новыми журналами в картинках.
Весь в белом инее *Александрейский сад*
Здесь бюстов много есть писателей – собратьев...
Счастливые! Им нет забот земного дня! (...)
А дальше в *золотом шеломе Исаакий*
Адмиралтейства птиц вознёсся, как стрела.
Мороз крепчает всё... Торопится не всякий.
И медленно толпа на *Невский поплыла* (...)
И вот поэт опять на улице холодной.
Движенье, суета... Зажглись огни вдали...
И едут и идут (...)
Сочельник. В окнах свет. Повсюду на витринах
Сверкает мишура для ёлочных прикрас.
Как шумно в улицах! Как людно в магазинах!
Трамваи движутся... Уже десятый час! (...)
А ночь уже плыла над *городом блестящим*,
Спокойно ночь плыла над *льдистой рекой* (...)
И грустный он *пришёл в холодную коморку*
Насмешливо глядят портреты со стены,
Как будто говорят: *глотай сухую корку*
Забудь, забудь свои осмеянные сны.

[Фофанов 1962, 288–289]

Продолжая главную мысль из предыдущего произведения, Фофанов как будто говорит, что в Петербурге некоторым повезло – они работают, покупают, спешат праздновать. Но что с теми, которым не повезло? Их представителем является лирический герой – поэт-бедняк. Он не спеша идёт по городу, рассматривает его, наблюдает за толпой¹¹, а следствием того является своего рода физиологический очерк города – фотографическое изображение действительности в праздничное и особое для православных верующих, время. В Сочельник и в сам день Рождества очень важную роль играет настроение и радость ожидания чего-то необыкновенного. Об этом свидетельствует большое движение, суета на рынках и в магазинах. Изображение пространства города происходит, руководствуясь замечаниями Владимира Топорова, как бы в нескольких пластах, необходимых в характеристике города:

¹¹ В западной литературе он существует под названием *flaneur* благодаря Бодлеру, который его открыл и впервые описал.

- 1) центр города (улица Невский проспект) и достопримечательности его – Александрийский сад, “шелом Исаакя”, Адмиралтейства шпиц; вспоминает о “льдиистой реке” – Неве;
- 2) климатические и атмосферные явления – время года (зима), время дня (вечер), погода (мороз крепчает, иней);
- 3) население (толпа людей), поведение (спешат, идут, едут, покупают, продают, торгуют, большое движение на рынках и в магазинах, и одно характерное замечание – “не все спешат” – всё это, по Михаилу Бахтину “голоса” города, свидетельствующие о его полифонии, о множестве интересов его жителей;
- 4) общее настроение – праздничное, город украшен “мишурой для ёлочных прикрас”; таинственность, загадочность, фантастичность.

В своём произведении Фофанов замечает, что достопримечательности Петербурга живут своей жизнью. Они свидетельствуют о величине места и подтверждают важность времени. Величественный и торжественный Петербург сильно действует на воображение лирического героя-поэта, возносит его мысли к небесам, к возвышенному и святому. Однако, когда поэт прикасается к земному, реальному, то этот красивый и многообещающий город не дарит ему счастья, даже никто из прохожих не обращает на него внимания. Поэт в произведении Фофанова глубоко одинок в многолюдной толпе. Придя в холодную каморку, он не находит куска хлеба, нет у него ни гроша денег, он плохо одет, одинок, а любимая подруга, истерзанная бедностью, оставила его. Фофанов показывает существование видимого Петербурга – города людей богатых и невидимого Петербурга – города бедняков и несчастных, между которыми выступают резкие различия. Фофанов с большим сочувствием и пониманием передаёт историю поэта, в судьбе которого отражаются, быть может, тысячи человеческих судеб, в том числе и самого его. Оказывается, что столичный город не всякого обеспечивает счастьем и успехом в жизни. В богатом Петербурге человек может быть голодным, в толпе – одиноким, а сбывшиеся мечты (стать поэтом, так как *поэзия есть бог в святых мечтах земли*) не оправдывают прежних надежд на счастье и обеспеченную жизнь. Петербуржцы, как замечает Отрадин, “увлечённые погоней за чинами, занятые бюрократической деятельностью (...) забыли об истинном искусстве” [Отрадин 1984, 10]. Уже Гоголь сказал, что там каждый человек живёт сам по себе и для себя. В бешенстве лирический герой уничтожает свои тетради, как бы проклиная личные неудачи и этот город. Проклятия в случае неудачи, о которых упоминает Топоров, характерная

черта “петербургского текста”, так как мыслящий человек не в состоянии жить в Петербурге, из-за “чего-то” [Торогов 2003, Интернет]. “Это” имел также в виду Виссарион Белинский, который говорил, что Петербург обладает необыкновенной способностью уничтожать в человеке всё святое [Топоров 2003]. Заметил и понял это Фофанов. Его лирические герои испытывают разные недостатки, но особенно часто страх, переходящий в ужас, о чём свидетельствуют, между прочим, выражения типа: “*воплъ страдания*”, “*злоба и нужда ползут со всех сторон*”, “*горький плач*”, “*стоны нищеты*”, “*бессилие и тоска*”.

Следует заметить, что в большинстве стихотворений Фофанова, когда речь идёт о Петербурге, урбанизм так же, как у Некрасова, уступает место человеку и его проблемам. Фофанов, обращая внимание на архитектурные особенности Петербурга, говорит устами главной героини *Поэтессы* о них объективно и без особенных эмоций: “*Сколько можно, со временем человек привыкает*”. Получается так, что на вечный Петербург Фофанов смотрит глазами жителя, привыкшего к его достопримечательностям, однако никогда он не привыкает к человеческому страданию, особенно к страданию голодного человека. Говоря о Петербурге, он город показывает через судьбу человека, особенно трудную в его время, а иногда даже трагическую. Кажется, что поэта больше всего интересует влияние города на поведение и на внутренний мир человека.

Голод – это мотив, который особенно часто звучит в позднем творчестве Константина Фофанова, притом по замечанию Топорова, является типично петербургским явлением [Топоров 2003, Интернет]. Во времена Фофанова, с голоду умирало очень много людей, и это была главная причина преждевременной смерти жителей Петербурга. От голода страдали поэты-бедняки вроде А. С. Слущкого, которому посвящена упомянутая поэма *Поэзия-бог*, но и другие искатели счастья. В стихотворениях Фофанова приюта в Петербурге ищут люди всех общественных сословий, в том числе чернорабочие, артисты, поэтессы, промотавшиеся, провинциалки, мечтавшие о славе поэтессы (*Поэтесса*), или простой люд, который в случае неудачи терпит голод, а и так же сам Фофанов: (*Папа твой, бывало, пишет // Об обедах у вельмож, // А на кухне ни краюшки, // И знобит в квартире дрожь*). Прав Дмитрий Мережковский, замечая, что в стихотворениях Фофанова “между рифмами (...) слышатся живые стоны живого человека” [Мережковский 1893, 87]; “это вовсе не шутка, когда поэт говорит вам о страхе безумия, о своей болезни, о нищете, о гибели, что в самом деле, в руке писавшей подобные строки, была лихорадочная дрожь, что

поэт, говорящий о голоде, знает по опыту, что такое голод” [Мережковский 1893, 87]¹².

Голод, как известно, влияет на поведение людей, на их физические силы и психическое состояние. Слабый человек не в состоянии думать, работать, притом раньше или позже лишается веры в свою полноценность и способности. Во времена Фофанова лихорадочная дрожь от голода приводила людей в безумие, толкала на преступление, выводила на улицу (на панель):

*Была Глафира голодна
И с аппетитом ростбиф ела;
Три рюмки выпила она
И, разгоревшись, покраснела.
Усач с ней весело шутил
И выпить вновь её просил...*

[Фофанов 1900, 408]

Неопытные и доверчивые в большом городе особенно страдают:

*Скажите мне, по крайней мере,
Где я? – В гостях! – Зачем? – Лечу,
Сидите здесь! – Я не хочу, –
Пустите... – Нет, не уходите;
Я за любовь озолочу!
– В окошко брошусь! Отпустите (...)*

[Фофанов 1900, 411]

Стихотворения Фофанова о Петербурге во многом напоминают городские сцены из *Незнакомки* Александра Блока [Блок 1982, 78–79]. Как у Блока, так и у Фофанова за бытовыми картинками скрывается глубокая правда жизни. Внешняя бесцеремонность поведения жителей – это только оболочка, под которой существуют человеческие трагедии заблудившихся. Большая река и множество каналов манит тех, которые не в состоянии справиться со своей совестью:

*А вот и мост ... и вот Нева! (...)
Бежит река – и как темно
Её заманчивое дно! (...)
Полна обидой и позором
Не сознавая ничего,
Блуждающим и странным взором...*

[Фофанов 1900, 415–416]

¹² Больше на тему жизни К. М. Фофанова см. [Jakimiuk-Sawczyńska 2005, 23–44].

Безвыходное положение обманутых и потерявших свою честь женщин находит одну и ту же развязку у Фофанова, Достоевского (*Преступление и наказание*) и у Блока (*Незнакомка*) – смерть в водах озера, реки, канала. Сосредотачиваясь на простых бытовых сценах, Фофанов подчёркивает, как большие мечты маленьких людей уничтожаются в Петербурге вместе с ними. Петербургская жизнь пугает потому, что носителем ужаса является сам город, а точнее что-то таинственное, невидимое, что в нём существовало [Топоров 2003, Интернет]. Пугало и в ужас приводило своё горе, чужое горе, одиночество, предвидимые катаклизмы.

Шуточный тон некоторых стихотворений Фофанова в столкновении с реальной действительностью звучит как ирония судьбы. Благородные, честные люди погибают из-за неумения справиться с капиталистическими законами, а богатый Петербург в произведениях Фофанова гостеприимен только для богатых. Для них театры, рестораны, залы с маскарадами, клубы, которые “говором щебечут и щёлканьем игральных карт” и многочисленные “дома увеселенья”, в структуре города занимающие особое место:

Какое *странное веселье!*
На лицах тяжкий след похмелья;
Блуждают пары здесь и там;
Оркестр гремит, поют арфистки;
Когда-ж танцуют, то у дам
Ланиты алые так близки
К лицу мужчин и к их усам...

[Фофанов 1900, 408]

Проституция – неотъемлемая черта больших городов, в том числе и Петербурга. По Топорову, – это пропасть, из которой выхода нет, и это один из мотивов “петербургского текста” и причина многих самоубийств. Социальные контрасты Петербурга заметны на каждом шагу. Они очень сильно действуют на воображение Фофанова. В простых словах поэта слышна боль за обиженных и страдающих бедняков, для которых, богатый и пышный Петербург, отводит маленькие комнатки с тяжёлым воздухом, в подвалах и по чердакам:

Две комнатки, *две равных клетки,*
Под крышей, в этаже шестом,
С довольно низким потолком.
То был *чердак* почти, откуда

Из окон видно, как кругом
Домов неряшливая гряда,
Тесняся, лепится; как дом
Над домом высится, алея
Кирпичными задами стен, –
Где виден *весь коварный плен*
Большого города – злодея,
Где блещут маковки церквей,
Торчат, дымяся, трубы фабрик.

[Фофанов 1900, 380]

“Лирическая цельность”, которую так высоко у Пушкина ценит Г. Цурикова, у Фофанова проявляется не только в верном описании условий жизни городской бедноты, но и в глубоком и проникновенном раскрытии психологии человека, который часто по собственному желанию попал в коварный плен¹³ **города-злодея**, злодея молодости, силы, больших надежд многих, которые ему заверили. Коварство, превратность и плен – черты Петербурга, пугающие лирического героя стихотворений Фофанова, это та угроза для жизненного пространства человека, о которой вспоминает И. Феннер [Fenner 1998, 86–87]. Петербург времени Фофанова, хотя и с прежними достопримечательностями, это уже другой город, город быстрой наживы, дешевой рабочей силы и больших социальных контрастов, связанных с развитием капитализма. В нём приют находят жулики, злодеи, пьяницы, проигравшиеся, то есть представители преступного мира, так как нищенство и бродяжество были большими язвами тогдашнего Петербурга :

За грязным столиком один
Сидел барон (...)
Как ты попал в кабак сюда?
Слегка смущённый от стыда,
Он прошептал: Всё в Божьей воле!

[Фофанов 1900, 459]

Проматавшиеся рестораны променяли на кабаки, где собирався разный люд; многие ради “забвения” или “*томясь потмелем поздней жажды*”:

¹³ Кажется, что не без причины Фофанов вводит такого типа метафору. Многие считают, что элемент зла (сатана в разных вариантах и его действия) с самого начала существования города вписан в его структуру и сильно воздействует на ирреальность города и “петербургский эффект”. Ср.: [Топоров 2003, Интернет].

(...) В полночь однажды
Томясь похмелем поздней жажды
Я завернул в *трактир плохой*.
Там было дымно; газ дрожащий
Сверкал, как пьяные глаза;
В графинах водка, как слеза
Блестела; пеною шипящей
Играло пиво; над толпой
Плыл говор шумною волной

[Фофанов 1900, 458–459]

Алкоголизм, после проституции был очередным несчастьем Петербурга. Надо отметить, что мука похмелья является тем чувством, которое было поэту известно с ранней молодости до самой смерти, ежедневно и непрерывно. Он, как и множество бедняков ему подобных, оставляли все деньги в плохих трактирах и кабаках, лишая свои семьи последних копеек, предназначенных на покупку хлеба. Это, своего рода Мармеладовы и Покровские – вечные пьяницы, герои произведений Достоевского.

Картины петербургской жизни из произведений Фофанова в значительной степени напоминают те, которые выступают на страницах книг Достоевского [ср.: Цурикова 1962, 27]. Психологическая раздвоенность героев Достоевского слышна в творчестве Фофанова, особенно в минуты безвыходного горя лирического героя: “дай выплакать горе // Над юностью падшей, над жизнью больной”. Эмоциональная окраска переживаемого унижения усиливает трагизм положения. Названные отголоски страдания бедняков в лирике Фофанова сливаются с другими звуками города, такими как: “бой часов протяжный”; “в воздухе дрожит соборный колокол”; “гремели конки”; “болтливые звонки // Мешались с лязгом экипажей”; “утомляет слух тяжёлый стук колёс”; “по шумным улицам” и все вместе создают пёструю музыку города, отрицательно действующую на психику лирического героя, расстраивая её до конца, тем более, что петербургская улица не замолкает даже ночью. Социальные контрасты отрицательно воздействуют на восприятие Петербурга. По Фофанову Петербург – это “вертеп разврата и гульбы”, где раздаются “пьяной оргии разнузданные крики” и “вздохи нищеты больной”, а (...)

люди, как марионетки,
От клетки каменной до клетки
Плетутся в тяжких хлопотах...

[Фофанов 1900, 380]

У Фофанова, в его лирических изображениях Петербурга иногда слышна музыка природы в зависимости от времени года и времени дня. Это происходит редко, когда *“весенней полночью бреду домой”*; *“под вечер”*; *“в час, когда румянец гаснет”*; *“под осень”*; *“октябрьским вечером”*; *“осенью сырой”*; *“в час предрассветного тумана”*; *“нет ночи а не день”*; *“ночи белые”*.

Бывает однако и так, что в картине города на первое место выдвигаются краски: *“когда зари румянец гаснет”*; *“жёлтый лист мелькает в зелени древесной”*; *“лист рдеющий огнист”*; *“тёмно нахмурен свод небесный”*; *“пурпурным янтарём пылают окна зданий”*, которые прежде всего зависят от погоды. Хотя красивая солнечная погода – редкое явление в Петербурге, но всё-таки она позволяет поэту время от времени полюбоваться красотой города, так как она облагораживает жителей в субъективном восприятии. Фофанов как человек и поэт особенно предпочитает Неву, гранит её берегов, мерцание воды и бесконечный простор:

И далеко, в красе своей
Нева мерцает – и на ней
Темнеет барка иль кораблик
Синеет небо в облаках.

[Фофанов 1900, 380]

А вот и мост... и вот Нева
Река трепещет и сверкает
Подобно рыбьей чешуе
Под светом звёзд (...)

[Фофанов 1900, 413]

Заметная живописность реки под влиянием хорошей погоды – солнечных лучей или света звёзд вызывает жажду полноценной жизни, свободы. Насколько важную роль в его городской лирике играет освещение, свидетельствует, между прочим, описание Невского проспекта, где *“свет боролся с полумглой”*:

Однажды осенью сырой
Я шёл задумчиво по Невском
Проспект сиял, и ярким блеском
Боролся гордо с полумглой.

[Фофанов 1900, 458]

Это метафорическое выражение свидетельствует о большой чуткости Фофанова как мастера-живописца, но в прямом значении отражает

повседневную реальность климата – туман, который создавал сказочный, но одновременно и заколдованный мир, где всё возможно и нет из него выхода. Таким образом отсутствие света отрицательно воздействует на психику петербуржцев:

*Весь город в саване кисейном –
Туман! А даль ещё белей,
Ещё прозрачней: над Литейным
Свет электрических лучей!*

[Фофанов 1900, 381]

Свет и мгла напоминают вечную борьбу добра со злом, стихии с человеческим умом, которым нет конца ни края, но они, как мне кажется, невидимо влияют на создание “Петербургского эффекта”, о котором говорит Топоров. Таким образом, на атмосферу и настроение жителей города, кроме времени года, дня, погоды, звуков и красок, влияет искусственное освещение и благодаря тому жизнь в нём возможна: “*блещет город // Рядами тусклых фонарей*”; “*в тумане мчались экипажи*”; “*газовых рожков блестящие сердца*”; “*немеркнувший закат дробит свой отблеск алый // В окошках*”; “*свет мелькающих карет*”; “*горят безмолвно фонари*”.

Мгла, туман, тусклый свет фонарей с прибавлением чувства мучительной бедности – это то пространство, о котором говорил Дмитрий Мережковский; пространство убивающее всякую активность, надежду; пространство, рождающее мысль о смерти:

*Смеркается в улице сонной
На небе не видно зари.
Рядами во мгле похоронной
Уныло зажглись фонари.*

*На город огромный туманно
Спускается влажная ночь.
В душе так пустынно и странно, –
Я слёз не могу превозмочь.*

[Фофанов 1900, 190]

Вечные туманы Петербурга отрицательно влияют на состояние лирического героя: *От петербургского тумана // Хотел бы я умчаться вдруг* [Фофанов 1889, 21]. В стихотворении *Мне город ликующий снится* говорит о блеске кристалльных каналов, прохладе садов, где

под тёплым небом была бы возможность забыть навеки “всё угнетающее трудно”, забыть “борьбу из-за хлеба”, забыть “смятение бед” [Фофанов 1889, 21].

Из сказанного вытекает, что в творчестве Фофанова Петербург занимает значительное место и, без малейшего сомнения, можно назвать его поэтом города. Единичные элементы с учётом далёкого и близкого плана с учётом архитектурных достопримечательностей, с расписными улицами и бедными трущобами голодающих, с учётом климата, времён года, звуков, красок, освещения, настроения жителей – входят в состав большой картины города Петербурга, показывая его настоящую жизнь и одновременно обогащая Петербургский текст русской литературы.

Урбанизм Фофанова имеет свой характер и свою цель – показать не только достопримечательности родного города, его обаяние, но и рассказать всю правду о нём. Большинство компонентов, которые включаются в “петербургский текст” находит реализацию в лирике этого поэта. Он указывает на “петербургский эффект” и пытается разгадать его суть. “*Места разврата и гульбы*” богачей, невыносимая нищета бедняков, моральное падение в соединении с “*лязгом экипажей*”, “*мир лжи и прозы*”¹⁴ – это мотивы, которые влияют на диссонансы (о них вспоминал Е. Тарланов) выступающие в городской лирике Фофанова.

Следует обратить внимание, что в восприятии жизни в столице Фофановым заметна нестабильность и разрозненность впечатлений. Г. Цурикова однако замечает, что “в разрозненности впечатлений был свой смысл и своя художественная выразительность” [Цурикова 1962, 28]. Этот смысл, как мне кажется, единственно можно понять через призму его лирического *credo* о существовании двух царств – мира поэзии и мира прозы. Жизнь Фофанова в Петербурге со всеми её повседневными бедствиями, несомненно, принадлежала миру прозы, где он только существовал. Чтобы жить, ему была нужна красота, божественный идеал, жизненное пространство (И. Феннер), которого он, как поклонник чистого искусства, искал во всех малейших проявлениях городской жизни – в живой краске, в весёлом звуке, в далёкой перспективе морского пейзажа и в своих мечтах. Быть может потому Дмитрий Мережковский писал, что “городскую поэзию Фофанова можно бы сравнить с благоуханием только что распустившихся деревьев между стенами петербургских домов. Среди болезни, лихорадочного

¹⁴ Имеется в виду стихотворение К. Фофанова *Блуждая в мире лжи и прозы* // *Люблю я тайны божества*.

брёда, нищеты, спертого комнатного воздуха, тяжёлого сплина, близкого к сумасшествию, вы чувствуете вдруг эту робкую, беспомощную ласку неумирающей поэтической молодости, вечной весны” [Мережковский 1893, 87].

Литература

- Блок А., *Незнакомка*, [в:] А. Блок, 1892, *Лирика. Театр*, Москва, 1982, с. 78–79.
- Измайлов А. А., 1916, *Принц и нищий (Из воспоминаний о К. М. Фофанове)*, “Исторический Вестник”, № 5, т. 144, с. 459–478.
- Иванова Е. В., 1990, *Фофанов Константин Михайлович*, [в:] *Русские писатели*. Ред. П. А. Николаева, Москва, с. 346.
- Кранихфельд Вл., 1911, *Литературные отклики: Вне жизни*, “Современный мир”, № 6, с. 306–317.
- Лотман Ю., 1984, *Символика Петербурга и проблемы семиотики города, “Труды по знаковым системам” XVIII (Семиотика города и городской культуры Петербурга)* Тарту, с. 31.
- Мережковский Д. С., 1893, *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы*, Санкт Петербург.
- Некрасов Н. А., 1983, *Стихотворения и поэмы*, Минск.
- Отрадин М. В., 1984, *Петербург в русском очерке XIX века*, Ленинград.
- Перцов П., 1933, *Литературные воспоминания*, Москва–Ленинград.
- Пушкин А., *Медный всадник*, [в:] А. Пушкин, 1954, *Стихотворения. Поэмы. Сказки*, Ленинград, с. 375.
- Саруханян Е., 1972, *Достоевский в Петербурге*, Ленинград.
- Тарланов Е. З., 1993, *Константин Фофанов: легенда и действительность*, Петрозаводск.
- Топоров В. Н., 2003, *Петербургский текст русской литературы*, [online], philologos.tvarod.ru/ling/topor_piter.htm
- Фофанов К. М., 1900, *Иллюзии*, Санкт Петербург.
- Фофанов К. М., 1889, *Стихотворения*, Санкт Петербург.
- Фофанов К. М., 1962, *Стихотворения и поэмы*, Москва–Ленинград.
- Цурикова Г., 1962, *К. М. Фофанов*, [в:] К. М. Фофанов, *Стихотворения и поэмы*, Москва–Ленинград, с. 7.
- Bazyłow L., 1985, *Historia Rosji*, t. I, Warszawa.
- Fenner I., 1998, *Zur Poetik des Lyriker Konstantin M. Fofanow*, Munchen.
- Jakimiuk-Sawczyńska W., 2005, *Liryka Konstantego Fofanowa na tle nurtu sztuki czystej*, Białystok.
- Poźniak T., 1969, *Dostojewski w kręgu symbolistów rosyjskich*, Wrocław.
- Toporow W., 2000, *Miasto i mit*, przekł. B. Żyłko, Gdańsk.

PETERSBURG IN KONSTANTY FOFANOV'S LITERARY PRODUCTION

S U M M A R Y

On account of the fact that Petersburg occupies an important place in Konstanty Fofanov's (1862–1911) literary production, the author of the article analyzes the problem in the context of so-called “Petersburg text” which takes into consideration realities of architecture, climate and living conditions. The article reveals that Fofanov – an advocate of “pure art.”, in his perception of Petersburg along with its magnificent monuments of architecture and picturesque settings pays more attention to inhabitants' living and their problems, which brings him closer to Fiodor Dostoyevsky.

Walentyna Jakimiuk-Sawczyńska e-mail: w.jakimiuksawczynska@interia.pl